

УДК 1(091)

К.А. Родин

ПОСТМЕТАФИЗИКА И ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА*

Рассматривается магистральное в философии Л. Витгенштейна понятие внутренних отношений. Излагаются основные характерные черты внутреннего отношения в отличие от отношения внешнего. Выдвигается специальное понятие постметафизики применительно к философии Логико-философского трактата. Обосновывается гипотеза о взаимосвязи Витгенштейнова критерия осмысленности, внутренних отношений и постметафизики. Подвергается критике применение концепции антифилософии А. Бадью к Л. Витгенштейну.

Ключевые слова: *постметафизика, внутренние отношения, критерий осмысленности.*

А. Бадью (уже начиная с работы «Манифест философии») встраивает Людвига Витгенштейна – вместе с Паскалем, Руссо, Ницше, Хайдеггером и Лаканом – в общий контекст так называемой антифилософии. Подробное рассмотрение и критика многочисленных сомнительных упрощений, которыми полна историко-философская инициатива А. Бадью, не входит в наши задачи. Для нас интерес представляют отдельные базовые характеристики антифилософии (антиметафизики). Они приводятся автором преимущественно с опорой на тексты Витгенштейна. Перечислим эти характеристики [1. С. 176–177].

1. Философия (с точки зрения А. Бадью – антифилософия) – это не теория, а деятельность (здесь и в других пунктах почти дословно А. Бадью приводит цитаты из Витгенштейна). Антифилософия предполагает наличие более существенных вещей (этических, мистических или религиозных), чем те, которые обсуждаются в рамках научных теорий и в принципе – в рамках какого бы то ни было теоретизирования и/или вербального выражения. Содержание первой характеристики на этом исчерпывается. Согласие с тривиальным и по существу ошибочным обнаружением у Витгенштейна двоемирия (мир теории, прямых высказываний и мир смыслов, непрямого говорения) с 70-х годов встречается часто и вне зависимости от антифилософской квалификации.

2. Из первой характеристики выводится вторая: философия обозначает невысказываемое тем, что ясно показывает то, что может быть высказано.

3. Следующая характеристика – незначительное добавление к «непрямому говорению»: должно писать философию на манер поэтического текста. Такое требование воспринимается автором в качестве характерной черты антифилософского и антитеоретического творчества. Однако Витгенштейн, особенно «поздний», и писал на манер поэтического текста, и это, кроме того, не мешало ему заниматься проблемами логики.

Таково общее представление об антифилософии и/или антиметафизике по А. Бадью. Оно страдает рядом неточностей и личных предпочтений. Термин

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №14-53-00001

«антифилософия» подразумевает сугубо негативный характер философии Витгенштейна. Мы будем использовать термин «постметафизика», имея в виду не только рассмотрение традиционных проблем философии в качестве псевдопроблем (вместо выработки теорий, предназначенных для их переформулировки и/или разрешения), но и отдельный положительный способ мышления. Впрочем, относительно бессмысленности вопросов и проблем философии Витгенштейн пишет:

Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка ...

[Логико-философский трактат, констатация 4.003]

Весь вопрос в том, какого рода проблемы имеет в виду (анти)философ. Ведь приводимый им пример подобной проблемы, а именно, вопрос о том, является ли добро более/менее тождественным, чем красота, есть случай скорее не показательный, а тривиальный, к тому же – не общераспространенный. Логика Платонова диалога Софист – лучшая иллюстрация. Софист утверждает: небытия нет, так как чего нет, того-то и нет, но мудрый Чужеземец размышляет иначе: тот факт, что мы все-таки установили, что чего нет, того-то и нет, мы установили, думая о небытии, о самом небытии, и, значит, в каком-то смысле, небытие есть. Далее Платон излагает «историю» пяти великих родов, которая дает окончательный (хотя это не совсем диалектическое слово) ответ на вопрос о том, существует ли небытие. Вот характерный тип бессмыслицы. Антиплатоник Витгенштейн скажет позднее (значительно позже написания Трактата, когда впервые прочтет древнего грека), что Платон абсолютно бесполезен. Примеры можно умножить, но они все равно не дадут полного представления о способах различения между осмысленными предложениями и бессмыслицей. Лучше указать на основные черты постметафизики Витгенштейна, подробное раскрытие которых способствует ответу, в том числе и на вопрос о критериях адекватного понимания констатации 4.003. Ведь почему неудачны характеристики А. Бадью? Они связаны между собой либо по линии сторонних идей о существовании «антифилософии», либо проводятся на уровне аналогии. Так, (анти)философия, определяя, какие предложения осмысленны, остальное все отдает сфере «деятельности» (правда, здесь А. Бадью вместо деятельности будет говорить о некоем поэтическом акте, но это уже совсем насилие над текстом). При этом непонятно, каким образом первое связано со вторым за пределами схемы, ради которой не стоило бы особо антифилософствовать, и каким статусом наделено «невыразимое». Мы предлагаем поэтому другие характеристики. Первая из них будет центральной для настоящей статьи, а вторая, связанная с тем, что уже было сказано в характеристиках А. Бадью, будет понятна из всестороннего раскрытия первой.

Итак, основные характеристики постметафизики Витгенштейна:

1. Постметафизика всегда мыслит внутреннее отношение между вещами там, где метафизика мыслит такое отношение в качестве отношения внешнего.

2. Различие между осмысленными предложениями и бессмыслицей (которое в том числе позволяет отстранить вопросы-проблемы метафизики) – это не произвольное различие; оно отражает логику языка и проводится исходя из постметафизической установки.

Приведем важнейшие для понимания существа внутренних отношений констатации Трактата (всего их чуть больше 20):

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная запись, партитура, звуковые волны – все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру (*der logische Bau*).

4.0141. Имеется общее правило, посредством которого музыкант может извлекать из партитуры симфонию и благодаря которому возможно воспроизвести симфонию из канавки записи на граммофонной пластинке и вновь, используя первое правило, воспроизвести партитуру. В этом и состоит внутреннее сходство между этими вещами, которые на первый взгляд кажутся совершенно различными. И это правило есть закон проекции, который проецирует симфонию в язык нот. Это правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки.

4.122. Мы можем говорить в некотором смысле о формальных свойствах объектов и положений вещей, или, в случае фактов, о структурных свойствах, и в этом же смысле – о формальных отношениях и структурных отношениях.

(Вместо «структурное свойство» я также говорю «внутреннее свойство»; вместо «структурное отношение» – «внутреннее отношение».)

Я привожу эти выражения, чтобы показать причину смещения внутренних отношений и собственно отношений (внешних), которое очень распространено среди философов.)

Невозможно, однако, в рамках предложений утверждать, что такие внутренние свойства и отношения имеют место: вернее, они сами себя показывают в предложениях, которые представляют (*darstellen*) соответствующие положения вещей и имеют дело с соответствующими объектами.

5.131. Если истинность одного предложения следует из истинности других, то это выражается теми отношениями, в которых находятся между собой формы этих предложений: нам не требуется ставить их в эти отношения, связывая предварительно друг с другом в одно предложение; напротив, эти отношения являются внутренними, и их существование есть немедленный результат существования этих предложений.

5.232. Внутреннее отношение, упорядочивающее ряд, эквивалентно операции, благодаря которой один член возникает из другого.

Можно было бы также дать почти исчерпывающий список внутренних отношений, но цельной картины все равно бы не вышло. Тем не менее главная характеристика внутренних отношений легко усматривается из приведенных только что констатаций. Такая характеристика гласит, что если две сущности связаны внутренним отношением, то их связь не может быть опосредована (в качестве опосредующих могут быть рассмотрены совершенно

различные вещи), т.е., например, нельзя эксплицировать переход от партитуры или канавки записи на граммофонной пластинке к симфонии и обратно от симфонии к нотной записи. Это разные переходы, которым не научаются через одно эксплицированное правило, но такие переходы – настаивает Витгенштейн – все же происходят благодаря единственному «общему правилу». Очевидность того, что сыграть по нотам и поставить пластинку – различные по существу действия, сталкивается с требованием общего для них правила «перехода». Отсюда, понять такое правило возможно только в качестве парадигмы внутреннего отношения (что как раз и означает, что правило здесь не может быть эксплицировано в качестве третьей сущности, с помощью которой совершались бы переходы). Приведенная характеристика не есть критерий: всегда возможно без очевидной ошибки и/или недосмотра внутренние отношения представить как отношения внешние. Кроме того, помня определение внутреннего свойства («свойство является внутренним, если немислимо, что его объект им не обладает» [4.123]), можно сказать, что внутреннее отношение – это отношение, которое не может быть представлено – немислимо – в качестве отношения внешнего. Но ведь такими «представлениями» и принято создавать путаницу в философии! То есть предложение, утверждающее внутреннее отношение между двумя сущностями, не является необходимой истиной (по крайней мере в большинстве случаев). Приведем другие примеры внутренних отношений.

Внутренние отношения, связанные с проблемой правилосообразности, понимания правила и случая следования правилу, описаны в работах Г.П. Бейкера и П.М.С. Хакера. В них представлена критика «скептической позиции относительно правила», придуманной/сформулированной С. Крипке. Воображаемый скептик утверждает, что нельзя знать, как некто в новых случаях будет применять правило, которому следует, или что нельзя быть уверенным, какому правилу следуешь. В первом варианте предполагается «наличие» некоторого правила, формулировка которого не схватывает бесконечного числа его конкретных применений (речь может идти о правиле сложения или, например, о правиле для продолжения такого ряда: 1, 1, 1, 1, ...). Во втором варианте между правилом и исполнением правила полагается пропасть бесконечной интерпретации (когда при ответе на вопрос о том, откуда тебе известно, что ты следуешь этому правилу, некто утверждает, что он соотнес – интерпретировал – имеющееся у него правило с конкретным случаем его применения, всегда возможно спросить, откуда он узнал, что его интерпретация – верная, и так далее). Скептик утверждает, что невозможно знать, что соответствует, а что противоречит правилу (решающую роль играют следующие псевдо-вопросы: в первом варианте: какой набор конкретных случаев определяет общее правило; во втором варианте: как из общего правила «выводятся» случаи употребления этого правила). Такой скептицизм представляет внутреннее отношение между правилом (или между пониманием, схватыванием правила) и его применением как отношение внешнее. «Представление» характеризуется попыткой усмотреть третью сущность: будь то знание правила в виде общей формулы или интерпретация (как то, благодаря чему устанавливается и/или проверяется соответствие).

Опровергая воображаемого скептика, Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер проводят аналогию с внутренним отношением между предложением и положением вещей: «За концептуальную истину принято считать, что понимать пропозицию – значит знать, что имело бы место, если бы она была истинной. Параллель правилам как минимум правдоподобна, а именно: понимать правило – значит знать, что считать действием в соответствии с ним» [3. С. 155–156]. Таким образом, имеем дополнительную иллюстрацию (аналогию) к внутреннему отношению между предложением и положением вещей (релевантному, в свою очередь, теории изоморфизма мира/языка). Однако далее по тексту Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер несправедливо приписывают Витгенштейну (метафизическую) позицию, согласно которой ряд понятий и констатаций Трактата представляют упомянутую «третью сущность». Витгенштейн «правильно осознавал, что отношение между предложением и фактом, который делает его истинным, является внутренним. Но он ошибался, мысля это как нечто метафизическое...» [3. С. 188].

Метафизическими объявляются все констатации онтологии, и все-таки, во-первых, Витгенштейн, учитывая, что он в предпоследней констатации Трактата объявляет в том числе констатации онтологии бессмысленными, не создает метафизической теории, что подтверждается, во-вторых, тем, что эти констатации невозможно адекватно интерпретировать, если не рассматривать их в качестве пояснения существа внутренних отношений между миром и языком. Верно, что «поздний» Витгенштейн рассматривал утверждения о соответствии предложения положению вещей в качестве «грамматического трюизма» (грамматика – специальный термин «среднего» и «позднего» периода), тем не менее это скорее означает, что им по ряду причин был выбран другой способ (или способы) объяснения внутреннего характера некоторых отношений, для которого не было больше нужды в онтологии Трактата. Отсюда отчасти справедливыми кажутся следующие замечания Г.П. Бейкера и П.М.С. Хакера: «Репрезентирует обычная пропозиция (предложение-в-употреблении), а не некоторое скрытое, донныне неизвестное ее улучшение. И тезис изоморфизма вытекает (отчасти) из абсурдной попытки вписать в образ (в репрезентирующий символ) метод (технику) его проекции» [3. С. 191]. Но, однако, аккуратное «отчасти» легко можно объяснить так: такого метода-техники, конечно же, не существует в качестве эксплицируемого (и Витгенштейн это прекрасно осознает). Пример с грампластинкой, симфонией и нотной записью, разобранный выше, кроме подтверждения только что сказанного, опровергает предположение – выдвигаемое Г.П. Бейкером и П.М.С. Хакером чуть раньше по тексту, – заключающееся в том, что Витгенштейн лишь после Трактата осознал важнейшую характеристику внутренних отношений, которая говорит об отсутствии «третьей сущности». Мы разобрали это так подробно, чтобы еще раз обосновать нашу позицию, сводимую к тезису, что онтология Трактата всегда была (и для Витгенштейна) постметафизической.

Имеются следующие внутренние связи между основными понятиями Трактата. Факт определен как существование положения вещей. Связь через «существование» говорит о невозможности фиксировать отличие факта от положения вещей внешним способом, по которому следовало бы, что есть

одно, другое и – отдельное от них третье (существование не может выступать в роли «третьей сущности»). Факт необязательно должен состояться из-за того, что имелась соответствующая возможность, но он тем не менее зависит от положения вещей: кроме имеющей место в логическом пространстве возможности, он ничего другого (невозможного) не реализует. Элементарное предложение утверждает существование положения вещей; составное – разложимо до элементарных. Основным для теории изоморфизма является внутреннее отношение отображения между предложением и положением вещей. Заметим, что первое имеет внутреннее отношение к факту потому, что факт имеет внутреннее отношение к положению вещей. То есть предложение соотносится с фактом, во-первых, внешним образом, так как существование того или иного положения вещей не предзадано, а, во-вторых, внутренним: оно отображает своей логической формой положение вещей, существование которого определяется и потенциально является фактом. Отношения между возможными положениями вещей также являются внутренними: «Существование внутреннего отношения между возможными положениями вещей выражается в языке внутренним отношением между предложениями, которые их изображают» [4.125].

На идеи внутренних отношений строится вся система Трактата. Витгенштейн пишет:

Моя основная идея заключается в том, что «логические постоянные» ничего не представляют. Не может быть представителей для логики фактов [4.0312].

Глагол «vertreten», представлять, употреблен, конечно, не в значении глагола «darstellen». Можно было бы перевести его как «быть представителем», «замещать», «заменять». Логика фактов определяется внутренним отношением фактов к логической форме объектов. Внешние способы репрезентации, например, через «логические постоянные» (теория логических констант), не могут заменить внутреннего отношения. Под «логическими постоянными» Витгенштейн подразумевает Расселовы определения отношений вроде конъюнкции или дизъюнкции. Для Рассела они существуют в некотором платоническом смысле и извне участвуют в формировании предложения.¹ Однако, следуя Витгенштейну, мы не можем сформулировать теорию – что бы ни значило это слово – внешних отношений вне того факта, что те отношения, которые в теории мы описываем внешним образом, имеют смысл, только будучи отношениями внутренними. Витгенштейн:

... если бы существовала только внешняя связь, то вообще никакая связь не могла бы быть описана, потому что мы единственно описываем внешнюю связь посредством внутренней. Если последняя отсутствует, то

---

¹ См. дополнительно [4. С. 34–36]. Или, например, прочтём у З.А. Сокулер: «Витгенштейн обращает особое внимание на то, что не существует никаких особых логических фактов или объектов и что логические константы ничего не именуют. Здесь позиция Витгенштейна расходится с позицией Рассела, который допускал и особые логические факты, и особые логические объекты. Иногда Рассел рассуждал так, будто имеется какой-то особый логический опыт, позволяющий наблюдать логические факты и выводить логические законы. С точки зрения Витгенштейна, это недопустимо. В логике нельзя ничего «открыть», «обнаружить»: Рассел просто совершает смешение логического и эмпирического» [5. С. 51].

мы теряем всякое основание, в котором несомненно нуждаемся, чтобы описывать вообще что угодно. Так, мы не можем перемещать что-нибудь руками до тех пор, пока надёжно не встали на ноги [6. С. 66].

С постметафизикой и понятием внутренних отношений тесно связан критерий осмысленности предложения, предложенный в Трактате. Разберем подробно, что в Трактате определяется как бессмысленное.

1. Мысль – это предложение, которое в качестве образа представляет положение вещей. Отсюда: если предложение возможно понять, то оно основывается на субстанции, содержащей в себе все возможные факты. Словами Витгенштейна: «Мысль содержит возможность того положения дел (die Sachlage), которое в ней мыслится. То, что мыслимо, также возможно» [3.02]. Здесь обозначен общий критерий различения между осмысленным предложением (мыслью) и бессмыслицей. Специфицируем его по отношению к некоторым другим видам предложений.

2. Предложения логики представляют собой тавтологии [6.1]. Они отличаются от обычных (описанных выше, в пункте 1) предложений: «Специфическим признаком логических предложений является то, что их истинность узнается из символа самого по себе, и этот факт заключает в себе всю философию логики. И одним из важнейших фактов является также то, что истинность или ложность нелогических предложений не может быть познана из одних этих предложений» [6.113]. Чуть ниже по тексту приводятся примеры. Тот факт, что предложения « p » и « $\sim p$ » в комбинации « $\sim(p \sim p)$ » дают тавтологию, показывает, что они противоречат друг другу. Тот факт, что предложения « $p \supset q$ », « p » и « q », связанные друг с другом в форме « $(p \supset q).(p) : \supset : (q)$ », дают тавтологию, показывает, что q следует из p и $p \supset q$. Тот факт, что « $(x)fx : \supset : fa$ » – тавтология, показывает, что fa следует из fx , и т.д. Тавтология и противоречие не являются образами действительности (поэтому тавтология не имеет условий истинности, безусловно истинна), т.е. они не имеют смысла, не изображают никакого возможного положения вещей (тавтология допускает любое). Но это не означает их бессмысленности: тавтология и противоречие являются частью логического символизма [4.461–4.462]. Таким образом, необходимо различать бессмысленность и лишенность смысла (бессодержательность тавтологии).

3. Заявленная Витгенштейном бессмысленность констатаций Трактата – отдельная тема, породившая в литературе множество спекуляций. Витгенштейн:

Мои предложения служат в качестве пояснений следующим образом: тот, кто меня понял, в конце концов осознает их бессмысленность, если он использовал их – как ступени – чтобы подняться выше этих предложений (он должен, так сказать, отбросить лестницу после того как взберется по ней наверх).

Он должен преодолеть (überwinden), тогда он увидит мир правильно [6.54].

Немецкий глагол überwinden, кроме «преодолевать», может переводиться по аналогии с английским изданием 1961 г. как «превосходить», «выходить за пределы» (transcend). Но также он означает «одолевать» и «побеждать». Поэтому,

кроме характеристики данного «вида» бессмыслицы, следует спросить, имеется ли в виду некая трансценденция или речь идет о чем-то другом.

Констатации Трактата, описывая логику «нашего языка» и проводя «адекватные» способы символизации (например, введена особая запись для тождества объектов), утверждают нечто о внутренних – логических, формальных – свойствах и отношениях (что, конечно, совсем не означает их подмену отношениями внешними). Сами эти утверждения являются в некотором смысле, в качестве лишь способа объяснения, излишними. Когда из символической записи неясно внутреннее отношение, в котором находятся представленные в ней предложения (например, отношение $p \supset q$), следует исправить символику записи таким образом, чтобы формальное отношение показывало себя само. Все должно быть приведено к единственно «адекватной» логической нотации, которая подразумевает, что непосредственно из самой записи отношения видно, что это за отношение. Иными словами, логический анализ языка осуществляется, согласно Трактату, посредством правильной символической записи. Правила нотации можно назвать также правилами логического синтаксиса или же просто логическим синтаксисом (который также включает определенные понятия). Сюда возможно отнести, например, такие, встречающиеся в Трактате, правила и понятия: «логические константы ничего не представляют» (4.0312), правило записи тождества объектов, понятие общей формы предложения и т.д. Кратко говоря, предложения, объявленные в 6.54 бессмысленными, служат для того, чтобы ввести понятия и/или правила логического синтаксиса и с их помощью прояснить логику (синтаксис) языка. Поэтому такие предложения являются как бы отдельным случаем, хотя критерий, по которому они выходят бессмысленными, тот же, что и в пункте 1.

Логические отношения – это синтаксические отношения, определенные правилами логического синтаксиса. Отсюда легко перейти к утверждению (предположим, что его высказывает Р. Карнап): логика занимается изучением формальных структур языка, определяемых логическими правилами. Это одно из продолжений Трактата, и Витгенштейн вряд ли бы особо возражал против него. Но для Витгенштейна только знаки, используемые осмысленно, имеют синтаксис (в Трактате синтаксис прочно связан с семантикой): правила синтаксиса не применяются к знакам-символам, не получившим толкования. «Логические предложения предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения – смысл; это и есть их связь с миром» [6.124]. Синтаксис Витгенштейна соотносится, правда, не со смыслом и/или толкованием, но с некоторыми формами, которые делают этот смысл возможным. Здесь можно было бы выделить отдельный предмет для изучения. В любом случае необходимо различать предложения логики и те псевдопредложения, с помощью которых объясняются внутренние правила (тоже выраженные в предложениях) для «адекватной» записи предложений логики. В любом случае критерий осмысленности во всех вышеперечисленных случаях один и тот же:

Разница между высказыванием и показом – это разница между тем, что язык выражает, и тем, что записано в грамматике. Причина выбора (выражения) «показывает себя само» состояла в том, что связь видна из (логической) нотации. То, что можно узнать из нотации, несомненно, отлично от того, что выражается языком. И это, в свою очередь, не означает

ничего, кроме того, что грамматика не может быть получена из фактов. Иначе говоря, грамматика может быть установлена до использования языка. Только после что-то говорится при помощи языка. Я обучаюсь внутренним отношениям только из грамматики, даже до того, как я воспользовался языком, то есть еще до того, как я что-то сказал [7. С. 131].

Под «преодолением» Трактата Витгенштейн не подразумевает переход в особую область (невыразимого) правильного видения мира. Поэтому неверна имеющая широкое распространение интерпретация, что невыразимое связано с трансценденцией и/или оправданием «мистического». Бессмысленность предложений Трактата (тех, что содержат синтаксические правила, и тех, которые толкуют о семантике) означает, что они не есть фактические предложения (поэтому «логика невыразима»). «Преодоление» означает, что их роль была вспомогательной. После того, как некто научился адекватной семантике и синтаксису, т.е. усвоил нотацию, предложения Трактата отбрасываются им как уже бесполезные. Вслед за Я. Хинтиккой перечислим, что принадлежит показу [8. С. 10]: правила логического вывода, истинность, логическая форма, тавтология как таковая (соответственно: 5.132, 4.442, 4.12, 5.1362) и, кроме того, границы языка. Очевидно, все это связано с внутренними отношениями и может выступать отдельным предметом исследования. Например, связь проблемы определения знака тождества с понятием внутреннего отношения изложена в работах В.А. Суворцева (см., в частности, [9]).

Итак, резюмируя, можно сказать, что внутренние отношения – это, по определению, такие отношения, которые непосредственно имеют место между некоторыми «объектами». Осмысленное предложение обязательно находится во внутренней связи отображения с тем положением вещей, которое делает его осмысленным. Следовательно, различие между осмысленными предложениями и бессмыслицей определяется однозначно, произвольно, непосредственно (т. е. исходя из внутренних отношений) и соответствует логике нашего мира/языка. Суждения метафизики – суть псевдопредложения. Но, как было показано, метафизические псевдопредложения не только не проходят проверку на осмысленность, но – главное – некоторые из них подменяют внутренние отношения отношениями внешними. Мы считаем и попытались показать, что последний критерий более важен для понимания постметафизики Витгенштейна.

Литература

1. *Badiou A. Wittgenstein's Antiphilosophy.* London and New York: Verso, 2011.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
3. *Бейкер Г. П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
4. *Хинтикка Я.* О Витгенштейне. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
5. *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Алгоритм-Пресс, 1994.
6. *Wittgenstein L.* Philosophical Remarks. Oxford: Blackwell, 1975.
7. *Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann.* The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. London and New York: Routledge, 2003.
8. *Hintikka J.* What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express? // The Harvard Review of Philosophy. 2003. XI. P. 9–17.

9. *Суровцев В.А.* Витгенштейн об экстенциональных функциях Ф.П. Рамсея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, № 4. С. 143–154.

Rodin Kirill Aleksandrovich National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

INTERCONNECTION BETWEEN POSTMETAPHYSICS AND INTERNAL RELATIONS IN LUDWIG WITGENSTEIN'S TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS

Key words: postmetaphysics, internal relations, notion of sense and nonsense

The paper is concerned with the interconnection between postmetaphysics and notion of internal relations in Ludwig Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus. Internal relations are relations which could not fail to obtain, since they are given with or (partly) constitutive of the terms, such as white's being lighter than black. One could easily generalize conception of internal relations in connection with Wittgenstein's typical points such as rules of inference, truth, logical forms, tautology (Tractatus 5.132, 4.442, 4.12, 5.1362 respectively), and the limits of language which also represent internal relations. A relationship between world and language is also internal. Meaningful proposition obliged to have pictorial common structure with reality of states of affairs (the Tractarian isomorphism theory). This is well known Tractarian notion of sense and nonsense. In the paper I argue that main Wittgenstein's postmetaphysical ideas are always closely associated with conception of internal relations and thereafter with sense/ nonsense criterion.

References

1. *Badiou A.* Wittgenstein's Antiphilosophy. London and New York: Verso Publ., 2011.
2. *Wittgenstein L.* Логико-философский трактат [Logical-philosophic treatise]. Translated from German. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2008.
3. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Skeptitsizm, pravila i yazyk [Scepticism, rules and language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2008. 239 p.
4. *Hintikka Ya.* O Vitgenshteyne [About Wittgenstein]. Translated from English by V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2013.
5. *Sokuler Z.A.* Lyudvig Vitgenshteyn i ego mesto v filosofii XX veka [Ludwig Wittgenstein and his place in philosophy of the 20th century]. Dolgoprudnyy: Alegro-Press Publ., 1994.
6. *Wittgenstein L.* Philosophical Remarks. Oxford: Blackwell Publ., 1975.
7. *Wittgenstein L., Waismann F.* The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. London and New York: Routledge Publ., 2003.
8. *Hintikka J.* What does the Wittgensteinian inexpressible express? The Harvard Review of Philosophy. 2003, no. XI, pp. 9–17.
9. *Surovtsev V.A. L.* Wittgenstein on F.P. Ramsey's functions in extension. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, 2011, Vol. 9, no. 4, pp. 143–154. (In Russian).